

Научная статья

УДК 81'373.45; 81'373.612

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.20>

РЕФЛЕКСЫ СТРАСТИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Сергей Григорьевич Воркачев

Кубанский государственный технологический университет (д. 2, ул. Московская, Краснодар, 350072, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор

svork@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Аннотация. Введение. Понятия страсти и бесстрастия находятся в фокусе исследовательского интереса с времен Античности и поныне остаются «ключевыми концептами» религиозного дискурса. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили тексты лексикографического дискурса: толковые, этимологические и терминологические словари русского языка, словари старославянского и церковно-славянского языков, древнегреческо-русский и орфоэпический словари русского языка. **Анализ.** Большую часть списка славяно-русских сложных слов, образованных с участием страсти и её видовых ипостасей (любовь, боязнь/страх, ненависть), занимают слова с корнем *люб-*, за которыми идут слова с корнем *страст-*, несколько раз здесь вербализуются ненависть и страх. Из всех многочисленных видов любви в функции активного словообразовательного компонента принимают участие три: *филия* (φιλία), *мания* (μανία) и *эрос* (ἔρως), а среди отрицательных словообразовательных компонентов страсти, доминирует аффиксоид *-фоб(ия)*. **Результаты.** Устанавливается, что словарные единицы, образованные при помощи формантов с семантикой страсти, легко выстраиваются в семантическую парадигму, включающую синонимы, антонимы и омонимы. Синонимические ряды здесь формируются как за счет вариативности как активных словообразовательных компонентов, так и за счет вариативности мотивирующего компонента. Антонимические отно-

шения в парадигме лексических единиц, образованных с помощью форманта страсти, достаточно редко выстраиваются на основании антонимии мотивирующего компонента, чаще всего эти отношения создаются на основе противопоставления активного словообразовательного компонента по градуальному либо контрастному признаку. Субъектом страсти в словообразовании выступает, как правило, человек, однако, иногда протагонистами страсти бывают растения, организм в целом или его отдельные органы и речь здесь идет о метафоризации – уподоблении субъектов страсти существам с высокоорганизованной психикой.

Ключевые слова: лексикография, словообразование, словосложение, калькирование, заимствование, страсть, любовь, ненависть, синонимия, омонимия, аффикс, аффиксоид

Для цитирования: Воркачев С. Г. Рефлексы страсти в словообразовании русского языка (на материале лексикографического дискурса) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 155–163. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.20>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 30.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

REFLEXES OF PASSION IN WORD FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE)

Sergey G. Vorkachev

Kuban State Technological University (2, Mosrovskaya St., Krasnodar, 350072, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

svork@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Abstract. Introduction. The concepts of passion and dispassion have been in the focus of research interest since Antiquity and remain “key concepts” of religious discourse to this day. **Materials and Methods.** The study material was the texts of lexicographical discourse: explanatory, etymological and terminological dictionaries of the Russian language, dictionaries of Old Church Slavonic and Church Slavonic, ancient Greek-Russian and orthoepic dictionaries of the Russian language. **Analysis.** Most of the list of Slavic-Russian compound words formed with the participation of passion and its species hypostases (love, fear, hatred) are occupied by words with the root *lyub*, followed by words with the root *strast*, here hatred and fear are verbalized several times. Of all the numerous types of love, three participate in the function of the active word-formation component: *philia* (φιλία), *mania* (μανία) and *eros* (ἔρως), and among the negative word-formation components of passion, the affixoid *-fobia(ia)* dominates. **Results.** It is established that vocabulary units formed with the help of formants with the semantics of passion are easily arranged in a semantic paradigm that includes synonyms, antonyms and homonyms. Synonymous series are formed here both due to the variability of active word-formation components and due to the variability of the motivating

component. Antonymic relations in the paradigm of lexical units formed with the help of the formant of passion are quite rarely built on the basis of the antonymy of the motivating component; most often, these relations are created on the basis of the opposition of the active word-forming component according to a gradual or contrasting feature. The subject of passion in word formation is, as a rule, a person, however, sometimes the protagonists of passion are plants, the organism as a whole or its individual organs, and here we are talking about metaphorization – likening the subjects of passion to creatures with a highly organized psyche.

Keywords: lexicography, word formation, compounding, calque, borrowing, passion, love, hate, synonymy, homonymy, affix, affixoid

For citation: Vorkachev SG. Reflexes of passion in word formation of the Russian language (based on lexicographical discourse). *Humanities and law research*. 2025;12(1):155-163. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.20>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.11.2024.

The article was approved after reviewing: 30.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Введение. Понятия страсти (др.-греческое *πάθος*, латинское *passio*) и бесстрастия (др.-греческие *ἀπάθεια* и *ἀταραξία*, латинское *impatientia* в учении стоиков) находились в фокусе исследовательского интереса уже во времена Античности, они же были и остаются «ключевыми концептами» религиозного дискурса начиная с раннего средневековья.

Изначально в истории науки страсть изучалась в составе бинарного семантического единства как противочлен бесстрастия, однако бинарная эвристическая модель здесь достаточно свободно может принимать вид тернарной, когда в неё включается еще и третий смысловой элемент, как это происходит, например, с желанием и безразличием, где желание противостоит безразличию и нежеланию [5, с. 28].

«Страсть» – имя родового понятия для сильных, входящих за пределы обыденной нормы эмоциональных проявлений. Однако специального имени для обозначения понятия анти-страсти как «активного» оператора в тернарной логике «пассионарных оценок», насколько известно, не существует – он замещается именами его видовых воплощений: ненавистью, ревностью и страхом. В русском языке складываются особо близкие отношения между понятиями *страсти* и *страха*: помимо фонетического подобию значение страха фиксируется в одной словарной статье со страстью в подавляющем большинстве толковых словарей, *страсть* и *страх* отмечены общностью происхождения [37, т. 3, с. 771], *страсть* и *страх* в русском языковом сознании объединены желанием: «*Страх и страсть* суть два *потрясения* или два *трепетания* душевные, вместе соединенные, одно от желания иметь любимую вещь, другое от боязни лишиться или не получить ее» [43].

Словообразование (деривация) как создание новых слов по уже существующим в языке образцам и моделям включает в себя такие способы, как аффиксация (словопроизводство), словосложение, конверсия (транспозиция), аббревиация, контаминация (междусловное совмещение, наложение, ср. французское *télescopage* – «столкновение»), нулевая суффиксация (усечение) и, возможно, другие, из которых наиболее продуктивными в русском языке, являются, конечно, первые два – аффиксация и словосложение.

Резкой, четко выраженной границы между аффиксацией и словосложением нет, в языке существуют промежуточные, гибридные формы словообразовательных формантов [7, с. 190], которые выделялись в особый словообразовательный разряд под именами *полуаффиксы*, *префигированные словоэлементы*, *субаффиксы*, *радиксоиды*, *агглютинаторы*, *молодые аффиксы*, *псевдоаффиксы* и пр. [13, с. 131–132; 31], но в конечном итоге за ними закрепилось название *аффиксоидов* – термина, предложенного более полувека тому назад (в 1959 году) Н. М. Шанским.

На сегодняшний день выработано общее определение аффиксоидов, под которыми понимаются морфемы гибридного типа, занимающие промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами, функционирующие как компоненты сложного или сложносокращенного слова, повторяющиеся с одним и тем же значением в составе ряда слов, приближающиеся по своей способности образовывать новые слова с тем же компонентом к аффиксу [31; 30, с. 7; 4, с. 307; и пр.], но в то же самое время сохраняющие в сознании носителей языка свои семантические связи с корнями, от которых они образованы [42, с. 16].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты лексикографического дискурса: базовые толковые словари русского языка [8; 12; 19; 27; 33; 36], этимологические словари [37], словарь старославянского [34] и церковно-славянского [10] языков, древнегреческо-русский [9] и новогреческо-русский [39] словари, словари иностранных слов [18; 40; 16, 11], словари медицинских [28], психиатрических [17], сексологических [29; 14], психологических [23; 24] и ботанических [1] терминов и орфоэпический [32] словари, интернет-источники (Словари и энциклопедии на Академике – <https://dic.academic.ru>; Викисловарь – ru.wiktionary.org).

Анализ. В количественном отношении список сложных слов, образованных с участием страсти и её видовых ипостасей (любовь, боязнь/страх, ненависть) относительно невелик – несколько десятков лексических единиц и по существу закрыт. Большую часть этого списка занимают слова с корнем *люб-* (*дружелюбие*, *самолюбие*, *честолюбие*, *миролюбие*, *правдолюбие*, *любопытность*, *любопытство* и пр.), за которым идут слова с корнем *страст-* (*сладострастие*, *страстотерпец*, *страстоцвет* и пр.). Несколько раз здесь вербализуются ненависть (*человеконенавистничество*, *женоненавистничество*) и страх (*водобоязнь*, *светобоязнь*, *цветобоязнь*, *страхолоудина*).

В подавляющем большинстве случаев лексические единицы с семантическими рефлексам страсти и страстей образованы путем словосложения и легко разворачиваются в соответствующее словосочетание: *дружелюбие* → *любовь к дружбе*; *правдолюбие* → *любовь к правде*, *любопытность* → *любовь к знанию*, из этого ряда, пожалуй, выпадает *любопытство*, поскольку в *любовь к пыткам* оно явно не разворачивается, а разворачивается, скорее, в *любовь к пытливости*, а формант *пыт*, встречающийся также в словах *следопыт* и *следопытство*, функционирует здесь как суффиксоид.

В современных толковых словарях в сложных словах с компонентом, вербализующим страсть, этот компонент чаще всего стоит на втором месте (*честолюбие*, *дружелюбие*, *славолюбие*, *властолюбие*, *корыстолюбие*, *сребролюбие* и пр.), на первом месте он оказывается значительно реже (*любопытность*, *любвеобилие*, *страстотерпец* и пр.). Однако в старославянском языке, откуда в русский язык пришло большинство моделей словообразования сложных лексических единиц, «страстный компонент» как раз идет преимущественно на первом месте (*любочестіе*, *любодружіе*, *любославіе*, *любоиманіе*, *любомолчаніе*, *любоначаліе*, *любомудріе* – [10, с. 292–293], что, как представляется, свидетельствует о том, что в ходе эволюции этих лексических единиц довольно часто имела место своего рода «лексическая метатеза» – перестановка словообразующих корней.

Большая часть сложных слов с компонентом страсти на втором месте, несмотря на свое старославянское происхождение, в современном языке вполне «натурализовались» и в толковых словарях представлены без каких-либо помет. С пометой «устаревшее» и «книжное» идут, как правило, слова с «инвертированным» порядком появления компонентов, где вербализатор страсти стоит на первом месте: *любомудрие*, *любострастие*, *любостяжание* [36, т. 2, с. 105–106; 12, т. 1, с. 811], *страстотерпец* [36, т. 4, с. 547; 12, т. 2, с. 715]. Такие же сложные слова с вербализаторами страсти, как *любодружие*, *любопрение*, *любомолчание*, *любопраздный*, *любоначальный*, *любосластный*, еще представленные

в словаре Владимира Даля [8, т. 2, с. 283], из современных толковых словарей русского языка уже ушли. С пометой «разговорно-сниженное» и «просторечное» идут слова *страхолюд*, *страхолюдина*, *страходюдный* [19, с. 1277; 12, т. 2, с. 716; 27, с. 772]. Любодейство и любодейание представлены с пометой «народно-разговорное» [19, с. 510]. В общенародный язык вошли лексемы научного происхождения – изначально медицинские термины *водобоязнь* и *светобоязнь*, приводимые в толковых словарях без помет [12, т. 2, с. 194, т. 2, с. 561; 19, с. 139, 1158], в то время как *цветобоязнь* не вышла за пределы медицинской терминологии [28].

Сложные слова старославянского происхождения образованы преимущественно путем калькирования греческих образцов [6, с. 46], в современном языке некоторые из них претерпевают определенные семантические сдвиги и подвергаются переосмыслению. Так, например, *любомудрие* с пометой «устарелое» толкуется как «то же, что философия» [33, т. 6, с. 437], калькой с которой оно и является (φιλοσοφία – «любовь к мудрости» – [9, т. 2, с. 1733]), однако в церковно-славянском языке *любомудрие* означало «подвижничество, благочестивая жизнь» [10, с. 293]. Слово *страстолюбие*, образованное двумя корнями с семантикой страсти и означавшее в церковно-славянском языке «любострастие, порабощение страстями» [10, с. 671], сохраняясь приблизительно в этом же значении в словаре Владимира Даля – «предание самого себя на волю страстей своих, похотей» [8, т. 3, с. 336], из современных толковых словарей русского языка уходит. В то же самое время такой старославянизм с компонентом страсти, как *страстотерпец* в значении «мученик» [9, с. 671], в современных словарях присутствует с пометой «церковно-книжное, устарелое» и «церковное» [36, т. 2, с. 547; 19, с. 1276] – «мученик, пострадавший из-за религиозных убеждений» [33, т. 14, с. 999]. Как представляется, в семантике страсти здесь опосредованно реализуется одно из значений греческого оригинала πάθος – «страдание, болезнь» [9, т. 2, с. 2016–2017], воспроизведенное в старославянском языке, где страсть – «страдание, боль, муки» [34, т. 4, с. 177].

Любовь в русском языке достаточно многозначное слово, которому в древнегреческом языке соответствует целый ряд отдельных лексических единиц, вербализующих оттенки этого важнейшего межличностного чувства: *эрос* (ἔρως), *сторге* (στοργή), *агапэ* (ἀγάπη), *филия* (φιλία) и пр. [21]. В свою очередь в старославянском языке слово жена обозначало как женщину, так и супругу, а слово муж – как мужчину, так и супруга [10, с. 181, 319; 34, т. 1: 598, т. 2, с. 269]. Тогда в общем-то неудивительно, что в старославянском и русском *женолюбии* (*женолюбивый* – «пристрастный к женскому полу» – [10, с. 181]; «слишком любящий женщин» – [19, с. 303]) вербализуется любовь-эрос – страстная и плотская любовь, а в старославянском слове *мужелюбца* («жена, искренно любящая своего мужа» – [10, с. 319]) воплощается любовь-филия – любовь-преданность и любовь-нежность.

«Активный» словообразовательный компонент с семантикой страсти в заимствованных лексических единицах восходит в конечном итоге к греческому языку. Несмотря на прогрессирующее «онаучивание» современного общенародного русского языка [31], заимствованные специальные термины, в том числе и с компонентом страсти, в толковых словарях представлены не столь уж обильно: *философия*, *филология*, *филате-*

лия, *педофилия*, *ксенофобия*, *руссофобия*, *графомания*, *наркомания*, *мизантропия*..., что напоминает, скорее, вершину лексического айсберга, поскольку основная их масса содержится в словарях иностранных слов и, главным образом, в специальных терминологических словарях. И если счет исконных сложных лексических образований с компонентом страсти идет на десятки, то счет заимствованных терминов идет уже сотни: если заглянуть, например, в медицинский словарь [28] или же в словарь терминов психиатрии [17] либо сексологии [14; 29], то создается впечатление, что нет такой части тела человека или органа, которые не подвергались патологическим изменениям, и нет такого предмета или явления в окружающем мире, которые не вызывали бы патологического страха либо патологической одержимости.

Функционально «активный» словообразовательный компонент с семантикой страсти в заимствованных лексических единицах выступает исключительно в качестве аффикса или аффиксоида: греческие корни *пат(о/и)*, *фил(о/и)* и *миз(о)* функционируют как префиксы (*патология*, *филология*) и как суффиксы (*психопатия*, *гемофилия*, *мизантропия*, *мизогения*), поскольку соотносительных с ними отдельных слов (**патия*, **филия*, **мизос*) в русском языке не существует, греческие корни *ман(и)* (*пиромания*, *наркомания*), *фоб(и)* (*ксенофобия*, *гидрофобия*) функционируют как суффиксоиды, поскольку в современном языке есть соотносимые с ними отдельные слова: *мания*, *фобия* [12, с. 259; 4, с. 308].

В самом широком смысле понятие страсти соотносимо с понятием жизни и приложимо только к тем объектам, которые *живут*: у которых есть генетическая программа, определяющая специфику их метаболизма и способ самовоспроизведения. Тем самым в понятийную область страсти из пяти «царств» Владимира Соловьева (минерального, растительного, животного, человеческого и Божия) совершенно определенно попадают животное и человеческое царства, обитатели которых могут страдать, и с некоторыми оговорками представители царства растительного, которые могут только болеть. Поэтому вполне ожидаемо термины со словообразовательными компонентами страсти присутствуют преимущественно в специальных словарях по медицине, психологии, психиатрии, сексологии и в значительной мере в словарях по биологии и сельскому хозяйству.

В составе медицинских терминов, образованных с помощью активного компонента страсти *-пат-*, последний утратил многозначность, присущую его этимону – греческому πάθος, семантика которого обеднилась до значения *болезнь*, *аномалия*, значения собственно страсти как интенсивного эмоционального проявления в нем практически уже не осталось [9, т. 2, с. 1216]. Эти лексемы номинируют главным образом объекты органики, способные функционировать аномально (*кардиопатия*, *остеопатия*), либо патологические процессы, происходящие в этих объектах (*патогенез*, *патоморфоз*), либо дисциплины, занимающиеся изучением их болезней (*аллопатия*, *гомеопатия*), причем в профессиональной речи медиков *-патия*-вид заболевания отличается от *-пáтии*-способа лечения болезни местом ударения, которое падает на предпоследний слог, если термин обозначает вид заболевания (*нефропатия*, *миопатия*), и на третий слог от конца, если он обозначает способ лечения. Суффикс *-пáтия*, присутствует также в слове *телепатия* – термина парапсихологии, скон-

струированного в конце 19-го века (1882 г.) британским психологом-экспериментатором Фредериком У. Х. Майерсом, где этот словообразовательный формант также возводится к древнегреческому *τάθος* и толкуется как *чувство* [18, с.: 766], однако в семантике древнегреческого этимона просто чувства нет, есть лишь характеристика интенсивности эмоциональных проявлений – «страсть, волнение, возбуждение, аффект» [9, т. 2, с. 1216], что вообще-то не то же самое. И, наконец, словообразования с суффиксом *-патия* отличаются многоосновностью: число корней в их морфологическом составе может доходить до четырех, не считая самого суффикса – *аденотонзиллосинусопневмопатия, гепатотэнцефаломиелопатия*.

Испытывать чувства, к числу которых относятся такие видовые воплощения страсти, как любовь, страх и ненависть, могут лишь существа, наделенные сознанием и обладающие высокоорганизованной психикой, прежде всего, люди, хотя, безусловно, свои страхи и пристрастия (фобии и мании) присущи некоторым животным: собак, например, приводят в стрессовое состояние громкие звуки (гроза, взрывы петард, выстрелы), присутствие в доме чужих людей, поездки на автомобиле, одиночество, посещения ветеринара [2], однако специальных имен, даже в зоопсихологии, насколько известно, эти «страсти» не получили.

К числу «положительных» словообразовательных компонентов страсти, семантизирующих её видовые воплощения и направленных на её объект, относятся аффиксы *-фил(ия)/фил(о)-* и *-э/эро/а-*, а также аффиксоид *-ман(ия)*, к числу «отрицательных», направленных от её объекта, – аффикс *миз-* и аффиксоид *-фоб(ия)*. Лексические единицы с этими компонентами частично представлены в толковых словарях и словарях иностранных слов, но основной областью их бытования являются специальные терминологические системы.

Из всех многочисленных «цветов любви» (colors of love – [44]) в функции активного словообразовательного компонента принимают участие три: *филия* (*φιλία*), *мания* (*μανία*) и *эрос* (*ἔρως*).

Слово *φιλία* в древнегреческом языке, помимо привязанности, дружбы и предмета любви, означало также стремление и жадность [9, т. 2, с. 1727]. За русским аффиксом *фил(ия)/фил(о)-* в общих чертах сохранились все значения его греческого этимона: он передает склонность к занятиям чем-либо (*философия, филология*), увлеченность чем-либо, чаще всего коллекционированием каких-либо предметов (*библиофилия, филателия, филокартия* – коллекционирование открыток, *магнетофилия* – коллекционирование магнетиков, *стилофилия* – коллекционирование разного вида карандашей, средств письма и пр.), которое может выглядеть вполне невинным чудачеством (*бирофилия* – коллекционирование банок и бочонков из-под пива, кружек, пробок и открывалок, *гумофилия* – коллекционирование обёрток и вкладышей от жевательной резинки, *филлумения* – коллекционирование предметов, связанных со спичками, *аренофилия* – коллекционирование песка, *арктофилия* – коллекционирование плюшевых медвежат и пр.). В то же самое время это увлечение может перерасти в болезненное пристрастие, вредную привычку психоз, фетишизм и извращение (*агонофилия* – страсть к псевдоизнасилованию, *тератофилия* – влечение к физически уродливым и безобразным людям, *гибристофилия* – влечение к преступникам, *симфорофилия* – влечение ко всему, что связано со смертью и катастрофами, *бело-*

нефилия – влечение к прокалыванию различных частей тела острым предметом, *клаустрофилия* – навязчивое стремление закрывать окна и двери из страха оказаться одному в незапертом помещении и пр.). Подобное влечение может осуждаться морально (*геронтофилия* – болезненное влечение к лицам пожилого возраста, *граофилия* – влечение к пожилым, старым женщинам и пр.), однако оно может рассматриваться и как преступление (*педофилия* – половое влечение к детям и к лицам, не достигшим совершеннолетия, *некрофилия* – сексуальное влечение к мертвому телу и разнообразным манипуляциям с ним, *зоофилия* – влечение к действиям сексуального характера с животными и др.). *Филия* иногда способна синонимизироваться с похотью (*λαγνεία*) и наслаждением (*ἡδονή*): *пирофилия=пиролагия* – *любовь к огню*, *алгофилия=алгедония* – *любовь к боли*.

В число основных видов античной любви (*эрос*, *сторге*, *агапе* и *филия*), выделяемых Платоном [20, с. 230], *мания* (*μανία*) не входила и считалась комбинацией *эроса* и *людуса* [3]. *Мания*, «безумие от богов» – это деструктивное чувство – любовь-наваждение, любовь-одержимость, несущая страдания и полностью порабащая своего субъекта. Слово *μανία* означало, с одной стороны, «сумасшествие, душевную болезнь, безумие» и, с другой, – «иступление, вдохновение» [9, т. 2, с. 1051]. В принципе, все эти значения в какой-то степени сохранились за аффиксоидом *-ман(ия)*: образованные с его помощью лексические единицы отправляют преимущественно к психическим отклонениям от нормы и заболеваниям – *аблютомания* – навязчивое мытье рук в связи с обсессивными или бредовыми идеями заражения, загрязнения, *графомания* – болезненное пристрастие к сочинительству бездарного в литературном отношении человека, *грацидомания* – непреодолимое стремление похудеть, боязнь полноты, *дакномания* – навязчивое стремление кусать окружающих, *дипсомания* – периодически возникающие состояния запойного пьянства, *кентомания* – патологическое пристрастие к инъекциям, *клептомания* – болезненное влечение к совершению краж, *круомания* – импульсивное стремление наносить себе удары по голове, чаще всего биться головой о стену, *мифомания* – патологическая жливость, *некромания* – болезненное влечение к осквернению трупов, *пиромания* – непреодолимое влечение к поджогам, *томомания* – непреодолимое влечение подвергать себя хирургическим операциям и пр. В границах «парадигмы страсти» имена с формантом *-ман(ия)* противостоят именам с формантом *-фил(ия)/фил(о)-* по таким признакам, как 1) интенсивность проявления («пылкость»), 2) патологичность, 3) неподконтрольность воле (навязчивость, одержимость).

Эрос (*ἔρως*) – чуть ли не главное божество античного «любовного пантеона» и доминантный «цвет любви», любовь-жажда. Его имя в древнегреческом языке означало *страсть, страстное желание, горячее стремление, предмет любви и наслаждение, радость* [9, т. 1, с. 670]. Тем не менее, участие в словообразовании суффикса *-э/эро/а* оказывается минимальным: с его помощью созданы лишь несколько лексических единиц: *педерастия* и *падерозия* – то же самое, что *педофилия*; *зооэротия* и *зооэрастия* – то же самое, что *зоофилия*.

Среди «отрицательно-векторных» словообразовательных компонентов страсти, доминирует, безусловно, аффиксоид *-фоб(ия)*: список лексем, образованных с его помощью, из которых далеко не все именуют психические расстройства, насчитывает более двух сотен

единиц [35]. Этот аффиксоид восходит, конечно, к древнегреческому слову φόβος, означавшему «страх, ужас, боязнь» [9, т. 2, с. 1739–1740], однако слова φόβια, присутствующего в новогреческом языке с пометой *мед.* [39, с. 792], там нет, что свидетельствует, очевидно, о том, что эта лексическая единица сконструирована относительно недавно по аналогии с *филией*, *манией* и прочими терминами, заканчивающимися на *-ия*. В числе лексических единиц, кстати, созданных с помощью аффиксоида *-фоб(ия)*, присутствует и шестиосновное бразование *гексакосиойгексеконтагексафобия* – страх числа 666.

Фобия в медицинской литературе определяется как устойчивый, патологический страх перед определенными предметами, живыми существами, явлениями, обстоятельствами, действиями, поступками, процессами, ситуациями, качествами, состояниями и пр., т. е. его содержанием может быть практически любое явление обыденной жизни. Фобии достаточно легко кластеризуются и распределяются в семантические разряды по своему объекту – «фактору страха». Тогда наиболее многочисленным и детализированным семантическим разрядом объектов, внушающих патологический страх, будут живые существа – люди (*андрофобия* – боязнь мужчин, *гинекофобия* – боязнь женщин, *калигинефобия* – боязнь красивых женщин, *коулпрофобия* – боязнь клоунов, *антропофобия* – боязнь людей, *дентофобия* – боязнь стоматологов, *эфебифобия* – боязнь подростков, *ятрофобия* – боязнь врачей, *сингенезофобия* – боязнь родственников, *харпаксофобия* – боязнь разбойников и пр.), животные (*зоофобия* – боязнь животных, *земмифобия* – боязнь кротов, *кинофобия* – боязнь собак, *мусофобия/сурифобия* – боязнь мышей и крыс, *гиппофобия* – боязнь лошадей, *хироптофобия* – боязнь летучих мышей, *орнитофобия* – боязнь птиц, *галеофобия/селахофобия* – боязнь акул, *герпетофобия* – боязнь рептилий, *офиофобия* – боязнь змей, *ранидофобия* – боязнь лягушек, *энтомофобия* – боязнь насекомых, *мирмекофобия* – боязнь муравьев, *апифобия* – боязнь пчёл, *арахнофобия* – боязнь пауков, *фтириофобия* – боязнь вшей, *сколецифобия* – боязнь червей и пр.). За живыми существами идут состояния, главным образом, болезни: *нозофобия* – боязнь заболеть, *маниофобия* – боязнь психических заболеваний, *алгофобия* – боязнь боли, *ангинофобия* – боязнь стенокардии, *апоплексифобия* – боязнь инсульта, *канцерофобия* – боязнь рака, *лепрофобия* – боязнь проказы, *лисофобия* – боязнь бешенства, *эпистаксофобия* – боязнь носового кровотечения и пр. Люди боятся головокружений (*динофобия*), интенсивного потоотделения (*идрозозофобия*), облысения (*пеладозофобия*), засыпания (*гипнофобия*), наготы (*гимнофобия*) и пр. Они боятся летать (*аэрофобия*), переходить улицу (*агиорофобия*), просто ходить (*базофобия*), жениться (*гамофобия*), общаться со стариками (*геронтофобия*), писать (*графофобия*), получать или делать подарки (*дорозофобия*), публично выступать (*пейрафобия*), наказаний (*рабдофобия*), есть (*ситофобия*), спать (*сомнифобия*), быть погребёнными заживо (*тафофобия*), уколов (*трипанозофобия*), поцелуев (*филемафобия*), поездок на транспорте (*сидеродромозофобия*) и пр. Люди боятся пыли (*аматофобия*), воды (*гидрофобия*), золота (*аурофобия*), солнца (*гелиофобия*), мостов (*гефирофобия*), металлов (*металлофобия*), острых предметов (*айхмофобия*). Они боятся открытых пространств (*агорафобия*), замкнутого пространства (*клаустрофобия*), высоты (*акрофобия*), темноты (*ахлу-*

офобия) и ответственности (*гипенгиофобия*), их панически пугает гром (*бронтофобия*), дождь (*омброфобия*) и мороз (*криофобия*), они боятся красоты (*калифобия*).

Еще один «отрицательно-векторный» компонент страсти – префикс *миз-*, восходящий к древнегреческому слову μίσος, означавшему «ненависть, отвращение» и, соответственно, их предмет [9, т. 1, с. 1102], особой продуктивностью не отличается: с его помощью образованы *мизантропия* – ненависть к людям, *мизогиния* – ненависть к женщинам, *мизогамия* – отвращение к браку, *мизонеизм* – отвращение ко всему новому, *мизология* – отвращение к наукам, *мизопедия* – отвращение к детям, *мизофония* – нетерпимость к звукам. Особое положение здесь занимают лексемы *мизофобия* – навязчивый страх загрязнения, осквернения и *мизофилия* – фетишизм грязи, восходящие к древнегреческому слову μῖσος – «позор, бесславие, бесчестие, пятно» [9, т. 2, с. 1117], где *миз-* выступает мотивирующей основой, а не префиксом.

Как любовь связана со стремлением к своему предмету и с положительными эмоциями, так и страх связан с отвращением и ненавистью к нему, поэтому, очевидно, страх и ненависть легко синонимизируются: *педозофобия* = *мизопедия* – боязнь детей, отвращение к ним, *гинофобия* = *мизогиния* – боязнь женщин, ненависть к ним, *фонофобия* = *мизофония* – нетерпимость к звукам. С этим же, как представляется, связано переосмысление таких вошедших в широкое употребление лексем, как *ксенофобия*, *юдофобия* и сменившая последнюю ныне «по популярности» *русофобия*, которые обозначают не собственно фобии в клиническом смысле, а негативное отношение к чему-либо, не имеющее патологического характера – ненависть, отвращение [38].

Если общеупотребительная лексика – это преимущественно плод безымянного «народного творчества», то у научных терминов, как правило, имеется автор, имя которого упоминается в статьях специальных словарей – «впервые употребил ...». Научные термины конструируются своими создателями из корней, заимствованных из различных языков, главным образом из греческого и латинского, и поэтому нередко выглядят как своего рода макаронизмы – образованные путем частичного калькирования: *людомания* – латинский и греческий, *дансомания* – французский и греческий, *игромания*, *спидофобия* – русский и греческий, появились уже *ковидофобия* и *ковидомания* [25, с. 151] – от английского сокращения *coronavirus disease*.

Словарные единицы, образованные при помощи формантов с семантикой страсти, легко выстраиваются в семантическую парадигму, включающую синонимы, антонимы и омонимы.

Синонимические ряды (преимущественно, синонимические пары) здесь формируются как за счет вариативности активных словообразовательных компонентов, о чем уже шла речь (*-филия* = *-лагния*, *-гедония*; *-фобия* = *миз-*), так и за счет вариативности мотивирующего компонента, который, с одной стороны, может заимствоваться из разных языков (*энтомофобия*–*инсектофобия*, *зоофилия*–*бестииофилия*, *кинофобия*–*канинофобия*, *гиппофобия*–*эквинофобия*, *айлуорофилия*–*гатофилия*, *гидрофобия*–*аквафобия*, *хореомания*–*дансомания*), с другой, – может формироваться путем заимствования синонимов той или иной степени близости из одного и того же языка (*гнозиофобия*–*эпистемофобия*, *глоссофобия*–*логофобия*, *демофобия*–*охлофобия*, *пориомания*–*дромомания*, *пресбиофилия*–*геронтофилия*,

гиллофобия–ксилофобия, ахлуофобия–никтофобия, пнигмофилия–асфиксифилия, гермофобия–мизофобия). И, наконец, синонимы могут отличаться просто местом активного компонента относительно мотивирующего: аутофилия–филутия – любовь к самому себе.

Антонимические отношения в парадигме лексических единиц, образованных с помощью форманта страсти, достаточно редко выстраиваются на основании антонимии мотивирующего компонента: агорафобия–клаустрофобия – боязнь открытого–закрытого пространства, мизогения–мизандрия – отвращение к женщинам–мужчинам, геронтофилия/пресбиофилия–педофилия/эфебофилия – любовь к старикам–детям, граофилия–корофилия – любовь к старухам–девочкам.

Чаще всего эти отношения создаются на основе противопоставления активного словообразовательного компонента по градуальному либо контрарному признаку. Так, по степени «пристрастия» к своему предмету противостоят лексемы с формантами *-филия* и *-мания*: некрофилия–некромания, дорофилия–доромания, пирофилия–пиромания, танатофилия–танатомания, глоссофилия–глоссомания. В контрарные отношения вступают лексемы с формантами *-мания* и *-фобия*: гамомания–гамофобия – одержимость стремлением вступить в брак – боязнь вступления в брак, графомания–графофобия – одержимость писательством – боязнь писать, кентомания–трипанофобия – патологическое пристрастие к инъекциям– боязнь игл и уколов, ситомания–ситофобия – болезненное влечение к еде– боязнь приема пищи, токсикомания–токсикофобия – привыкание к приему лекарств–боязнь отравления, фармакомания–фармакофобия – пристрастие к употреблению лекарств–боязнь принимать лекарства. Чаще всего, однако, в антонимические отношения контрарного типа вступают форманты *-филия* и *-фобия*: агорафилия–агорафобия, акрофилия–акрофобия, гелиофилия–гелиофобия, дисморфофилия–дисморфофобия, криофилия–криофобия, ксенофилия–ксенофобия, нозофилия–нозофобия, педофилия–педофобия, рабдофилия–рабдофобия, тафефилия–тафефобия и пр. Нужно заметить, однако, что нередко антонимия здесь чисто формальная, а по существу речь идет о псевдо-антониммах, семантически друг другу вовсе не противостоящих. Так, в паре гемофилия–гемофобия первое имя называет болезнь крови, второе – боязнь крови, в паре гидрофилия–гидрофобия первое имя называет свойство некоторых растений, второе – боязнь воды, в паре хронофилия–хронофобия первое имя называет влечение к общению с сексуальными партнерами со значительной разницей в возрасте, второе – невротический страх времени, в паре метрофилия–метромания первое имя, где *метро-* – сокращение от *метрополитен* из французского *métropolitain*, называет любовь к метро и коллекционирование сопутствующих предметов, а второе, производное от греческого *μήτρα* – матка, синонимично нимфомании – патологически повышенной потребности женщины в эротико-сексуальных действиях. Совсем редко противопоставляются форманты *фил(о)-* и *миз(о)*: филантропия–мизантропия, филология–мизология.

Некоторые лексические единицы, образованные с помощью формантов страсти, образуют трехчленные ряды противопоставлений на основании градуального и контрарного признаков одновременно: некрофилия–некромания–некрофобия, танатофилия–танатомания–

танатофобия, глоссофилия–глоссомания–глоссофобия, дорофилия–доромания–дорофобия, пирофилия–пиромания–пирофобия. Однако в трехчленном ряду филология–филофобия–мизология *филия* функционирует не как активный словообразовательный формант, а как мотивирующая основа: филофобия – боязнь влюбленности. И уж совсем редко антонимия сочетается с изменением места активного компонента относительно мотивирующего: филоклеизия–клаустрофобия.

Отношения омонимии в лексической парадигме единиц, образованных с участием форманта страсти, встречаются относительно редко. Так, *парафилия*, где мотивирующая часть образована греческим *παρά* «подле, возле, вблизи» [9, т. 2, с. 1233], в психиатрии и сексологии означает расстройство сексуального предпочтения – достижение полового удовлетворения с помощью необычных или культурно неприемлемых стимулов, в то время как *парафилия* в биологии означает принцип эволюции групп организмов, заключающийся в независимом приобретении ими сходных черт строения на основании особенностей, унаследованных от общих предков, *-филия* здесь восходит к греческому *φίλον* «фила, род, племя» [9, т. 2, с. 1753], к любви и страсти отношения не имеет и является результатом случайного фонетического совпадения. Опять же глоссомания в психиатрии означает навязчивое рассматривание собственного языка в зеркале, в то время как словари иностранных слов дают ей значение страсти к изучению языков, часто не имеющей в основе никакого научного интереса («страсть говорить на иностранных языках» – [40, с. 252]), а в лингвистике встречается её понимание как пристрастия к игре словами [15, с. 382–383]. Как представляется, омонимия здесь объясняется метонимическим переносом имени основного органа артикуляции звуков на систему знаков и инструмент общения, что фиксируется уже в древнегреческом языке, где *ὤψον* означает и анатомический орган, и речь [9, т. 1, с. 326].

Субъектом страсти в словообразовании выступает, конечно, человек как существо, наделенное сознанием и способное любить, увлечься, бояться и ненавидеть. Тем не менее, иногда протагонистами страсти бывают растения (*гидрофилия* – любовь к воде, *анемофилия* – приспособленность растений к перекрёстному опылению с помощью ветра), организм в целом (*эозинофилия* – повышение в крови уровня эозинофилов – форм зернистых лейкоцитов, цитоплазма клеток которых содержит гранулы, окрашивающиеся в оттенки красного цвета эозином [18, с. 924–925], где эозин произведен от греческого *ἔως* заря и *ζῷον* животное) или его отдельные органы (*метромания*, о которой уже шла речь). Как представляется, речь здесь идет о метафоризации – уподоблении субъектов страсти существам с высокоорганизованной психикой.

Впечатляет обилие лексических единиц, составленных исключительно из компонентов страсти: здесь и *фобофилия*, *мизофобия*, *мизофилия*, *филофобия*, *маниофобия*, *эротомания*, *эротифобия* и даже *фобифобия*, где, однако, один из компонентов (первый) в обязательном порядке функционирует как мотивирующая основа: *фобифобия* – любовь к страхам, «страхотребие»; *филофобия* – боязнь влюбленности; *маниофобия* – боязнь психически заболеть; *мизофобия* – боязнь загрязнения; *мизофилия* – фетишизм грязи, *эротомания* – одержимость сексуальным влечением; *эротифобия* – боязнь секса, а *фобифобия* – боязнь страхов, боязнь испытать испуг.

В соответствии с современными орфоэпически-

ми нормами общенародной русской речи ударение в словах, заканчивающихся на *-патия*, *-филия*, *-фобия* и *-мания* падает на третий слог от конца, что однозначно фиксируется толковыми словарями. Однако эти нормы в профессиональной речи (профессиональном жаргоне) медиков не соблюдаются, и если в словах, заканчивающихся на *-патия*, место ударения выполняет смысловозначительную функцию, о чем уже шла речь: *-пáтия* отправляет к способу лечения болезни, а *-патíя* – к её разновидности, то в словах, заканчивающихся на *-филия*, *-фобия* и *-мания*, медики упорно ставят ударение на второй от конца слог [22; 25] вопреки нормам правильного словоупотребления: нимфофилия, парафилия, клептомания, наркомания, и даже, вопреки прямому запрету словаря правильности русской речи [32, с. 943], агорафобия, гидрофобия и пр.). Сдвиг ударения в профессиональном жаргоне медиков, как и в любом жаргоне, – представляется свидетельством корпоративной принадлежности говорящего и выполняет чисто прагматическую функцию: «Если вы не являетесь медработником, никаких маній для вас не существует: только *-мáния*» [26]. Знак ударения в словниках терминологических словарей, как правило, не ставится, а если он и появляется, то в его расстановке никакого единства не наблюдается.

В современном русском языке есть немало синонимических пар, состоящих из лексических единиц, образованных компонентами страсти различного языкового происхождения: *гидрофобия–водобоязнь*, *мизантропия–человеконенавистничество*, *мизогения–женоненавистничество*, *пассифлора–страстоцвет*, *филантропия–человеколюбие*, *филаутия(филатия)–себялюбие*, *философия–любомудрие*, *фотофобия–светобоязнь*, *хромофобия–цветобоязнь*. В этих парах один из членов представлен прямым заимствованием, как правило, из греческого языка, а другой является результатом словообразовательного калькирования первого. Заимствованная и калькированная лексические единицы могут семантически функционировать как эквиваленты и выступать инструментом лексикографического толкования (*гидрофобия=водобоязнь*, *фотофобия=светобоязнь*, *хромофобия=цветобоязнь*), однако в паре педофилия–чадолюбие отношения синонимии вряд ли полные, поскольку форманты в них отправляют к достаточно различным видам любви – эротической и родительской.

Считается, что заимствованные аффиксоиды в системе аффиксоидных морфем поддерживают оппозиция «свое-чужое» [31], однако в случае обыденного речевого употребления единиц с формантами страсти здесь, скорее, оппозиция внутри «своего»: когда употребляют, например, *мизогению* вместо *женоненавистничества* или *филаутию* вместо *себялюбия*, или же *любомудрие* вместо *философии*, то, как подметил Антон Павлович Чехов, «хочут свою образованность показать».

Результаты. В количественном отношении список славяно-русских сложных слов, образованных с участием страсти и её видовых ипостасей (любовь, боязнь/страх, ненависть) относительно невелик – несколько десятков лексических единиц. Большую часть этого списка занимают слова с корнем *люб-*, за которым идут слова с корнем *страст-*, несколько раз здесь вербализуются ненависть и страх. В подавляющем большинстве случаев такие лексические единицы образованы путем словосложения и легко разворачиваются в соответствующее словосочетание. Сложные слова старославянского

происхождения образованы преимущественно путем калькирования греческих образцов и в современном языке некоторые из них подвергаются переосмыслению. В современных толковых словарях в сложных словах с компонентом, вербализующим страсть, этот компонент чаще всего стоит на втором месте, на первом месте он оказывается значительно реже, однако в старославянском языке, откуда в русский язык пришло большинство моделей словообразования сложных лексических единиц, «страстный компонент» как раз стоит преимущественно на первом месте, что свидетельствует о том, что в ходе эволюции этих лексических единиц имела место своего рода «лексическая метатеза» – перестановка словообразующих корней.

В самом широком смысле понятие страсти может относиться лишь к живым объектам и поэтому термины со словообразовательными компонентами страсти присутствуют преимущественно в специальных терминологических словарях. В составе медицинских терминов, образованных с помощью активного компонента страсти *-пат-*, последний утратил многозначность, присущую его этимону *πάθος*, семантика которого упростилась до значения *болезнь*, *аномалия*, значения собственно страсти как интенсивного эмоционального проявления в нем практически уже не осталось.

К числу «положительных» словообразовательных компонентов страсти, семантизирующих её видовые воплощения и направленных на её объект, относятся аффиксы *-фил(ия)/фил(о)-* и *-э/эро/а-*, а также аффиксоид *-ман(ия)*, к числу «отрицательных», направленных от её объекта, – аффикс *миз-* и аффиксоид *-фоб(ия)*.

Из всех многочисленных видов любви в функции активного словообразовательного компонента принимают участие три: *филия* (*φιλία*), *мания* (*μανία*) и *эрос* (*ἔρως*), а среди «отрицательно-векторных» словообразовательных компонентов страсти, доминирует, безусловно, аффиксоид *-фоб(ия)*. Еще один «отрицательно-векторный» компонент страсти – префикс *миз-*, восходящий к древнегреческому слову *μῖσος*, означавшему «ненависть, отвращение», особой продуктивностью не отличается.

Словарные единицы, образованные при помощи формантов с семантикой страсти, легко выстраиваются в семантическую парадигму, включающую синонимы, антонимы и омонимы. Синонимические ряды здесь формируются как за счет вариативности как активных словообразовательных компонентов, так и за счет вариативности мотивирующего компонента, который, с одной стороны, может заимствоваться из разных языков, с другой, – может формироваться путем заимствования синонимов той или иной степени близости из одного и того же языка. Антонимические отношения в парадигме лексических единиц, образованных с помощью форманта страсти, достаточно редко выстраиваются на основании антонимии мотивирующего компонента, чаще всего эти отношения создаются на основе противопоставления активного словообразовательного компонента по градуальному либо контрарному признаку. Так, по степени «пристрастия» к своему предмету противостоят лексемы с формантами *-филия* и *-мания*, в контрарные отношения вступают лексемы с формантами *-мания* и *-фобия*. Отношения омонимии в лексической парадигме единиц, образованных с участием форманта страсти, встречаются относительно редко, и омонимичные лексемы принадлежат различным дискурсным областям.

Субъектом страсти в словообразовании выступает,

как правило, человек, тем не менее, иногда прототипами страсти бывают растения, организм в целом или его отдельные органы и речь здесь идет о метафо-

ризации – уподоблении субъектов страсти существам с высокоорганизованной психикой.

Литература

1. Биологический энциклопедический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/biology> (дата обращения: 21.07.2024).
2. Боязнь ветеринаров, темноты и одиночества: кинолог назвал топ-5 собачьих страхов. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20201115420-u0Vj4.html> (дата обращения: 21.07.2024).
3. Виды любви в греческой философии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/vidy-lyubvi-v-grecheskoy-filosofii> (дата обращения: 21.07.2024).
4. Волкова Н. А., Драчева С. И. Аффиксоиды как морфемы переходного типа в словообразовательной системе русского языка // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 307–309.
5. Воркачев С. Г. Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 24–40. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2>
6. Григорьев В. П. О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания. 1956. № 4. С. 38–52.
7. Гушина Л. Н. К вопросу об аффиксоидах // Журнал. Гродненский государственный медицинский университет. 2003. № 2. С. 19–24.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб: Диамант, 1998.
9. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2-х томах. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958.
10. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2000. 1120 с.
11. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800с.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2001.
13. Зеленин А. В. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 131–141.
14. Капустин Д. З. Сексологический словарь. Мн: MET 2006. 302 с.
15. Карасик В. И. Языковое преобразование реальности. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. 500 с.
16. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. 672 с.
17. Крук И. В., Блейхер В. М. Толковый словарь психиатрических терминов: около 3 тысяч терминов Воронеж: Модэк, 1995. 640 с.
18. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
19. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
20. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ-Фоллио, 2000. 848 с.
21. Любовь. URL: <https://studwood.ru/913440/psihologiya/lyubov> (дата обращения: 21.07.2024).
22. Медицинская орфоэпия. URL: https://pikabu.ru/story/meditsinskaya_orfoepiya_5232241 (дата обращения: 21.07.2024).
23. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
24. Новые слова и словари новых слов. 2020. Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 220 с.
25. Об ударениях в медицинской практике. URL: https://vk.com/wall-119871980_160474 (дата обращения: 21.07.2024).
26. Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007. 560 с.
27. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
28. Петровский Б. В. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. М.: Советская Энциклопедия, 1982–1984. (т. 1 – 1982, 464 с., т. 2 – 1983, 448 с., т. 3 – 1984, 512 с.)
29. Прокопенко Ю. П. Полный сексологический словарь. М.: Рипол Классик. 1999. 400 с.
30. Русакова О. В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: автореф. дисс... канд. филол. наук. Орел, 2013. 24 с.
31. Сенько Е. В. Префиксоиды как сложившаяся система современного русского словообразования // Современные проблемы науки и образования. Владикавказ, 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16059> (дата обращения: 03.06.2024).
32. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи. Более 8 000 слов и выражений. М.: Оникс–Мир и образование, 2009. 1104 с.
33. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л.: АН СССР, 1951–1965.
34. Словарь старославянского языка: в 4 т. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006.
35. Список фобий. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_фобий (дата обращения: 03.06.2024).
36. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2000.
37. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2003.
38. Фобия // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фобия> (дата обращения: 03.06.2024).
39. Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь: около 67000 слов. М.: Культура и традиция, 1993. 856 с.
40. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: В. И. Губинский, 1894. 989 с.
41. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: МГУ, 1968. 308 с.
42. Шанский Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка // Исследования по современному русскому языку. М.: МГУ, 1970. С. 257–271.
43. Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. Язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных. URL: <https://studylib.ru/doc/118528/slavyanorusskij-korneslov-yazyk-nash---drevo-zhizni-na-zemle-...> (дата обращения: 03.06.2024).
44. Lee J. A. The colors of love: An exploration of the ways of loving. Don Mills (Ontario): New Press, 1973. 294 p.

References

1. Biological Encyclopedic Dictionary. URL: <https://gufo.me/dict/biology> (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
2. Fear of veterinarians, darkness and loneliness: a cynologist named the top 5 dog fears. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20201115420-u0Vj4.html> (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
3. Types of love in Greek philosophy. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/vidy-lyubvi-v-grecheskoy-filosofii> (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
4. Volkova NA, Dracheva SI. Affixoids as morphemes of transitional type in the word-formation system of the Russian language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020;(4(83)):307-309. (In Russ.).
5. Vorkachev SG. Semantic complexes in Russian anthropological linguistics: semantic unities and their components. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. 2022;8(2):24–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2>

6. Grigor'ev VP. On the boundaries between compounding and affixation. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1956;4:38-52. (In Russ.).
7. Gushchina LN. On the issue of affixoids. *Zhurnal. Grodnenskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet*. 2003;(2):19-24. (In Russ.).
8. Dal', VI. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. St. Petersburg: Diamant; 1998. (In Russ.).
9. Dvoret'skii I. Ancient Greek-Russian Dictionary: in 2 volumes. Moscow: Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarei; 1958. (In Russ.).
10. D'yachenko G. Complete Church Slavonic Dictionary. Moscow: Otchii dom; 2000. 1120 p.
11. Egorova TV. Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language. Moscow: Adelant; 2014. 800 p. (In Russ.).
12. Efremova TF. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation: in 2 volumes. Moscow: Russkii yazyk; 2001. (In Russ.).
13. Zelenin AV. Affixoids of the Russian Language. Experience of a dictionary-reference book. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2012;(1):131-141. (In Russ.).
14. Kapustin DZ. Sexological Dictionary. Minsk: MET; 2006. 302 p. (In Russ.).
15. Karasik V.I. Language Transformation of Reality. Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language; 2023. 500 p. (In Russ.).
16. Komlev NG. Dictionary of Foreign Words. Moscow: Eksmo; 2000. 672 p. (In Russ.).
17. Kruk IV, Bleikher VM. Explanatory Dictionary of Psychiatric Terms: About 3 Thousand Terms. Voronezh: Modek; 1995. 640 p. (In Russ.).
18. Krysin LP. Explanatory Dictionary of Foreign-Language Words. Moscow: Eksmo; 2006. 944 p. (In Russ.).
19. Kuznetsov SA. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint; 1998. 1536 p. (In Russ.).
20. Losev AF. History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Moscow: AST-Folio; 2000. 848 p. (In Russ.).
21. Love. URL: <https://studwood.ru/913440/psihologiya/lyubov> (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
22. Medical Orthoepy. URL: https://pikabu.ru/story/meditsinskaya_orfoyepiya_5232241 (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
23. Meshcheryakov BG, Zinchenko VP. Large Psychological Dictionary. St. Petersburg: praim-EVROZNAK; 2004. 672 p. (In Russ.).
24. Nemov RS. Psychological Dictionary. Moscow: Vados; 2007. 560 p. (In Russ.).
25. New Words and Dictionaries of New Words. 2020. Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; 2020. 220 p. (In Russ.).
26. About stresses in medical practice. URL: https://vk.com/wall-119871980_160474 (accessed: 21.07.2024). (In Russ.).
27. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 1998. 944 p. (In Russ.).
28. Petrovskii BV. Encyclopedic Dictionary of Medical Terms: in 3 Volumes. St. Petersburg: Sovetskaya Entsiklopediya; 1982–1984. (vol. 1 – 1982, 464 p., vol. 2 – 1983, 448 p., vol. 3 – 1984, 512 p.) 37. (In Russ.).
29. Prokopenko YuP. Complete Sexological Dictionary. Moscow: Ripol Classic; 1999. 400 p. (In Russ.).
30. Rusakova OV. Affixoids in the Derivational System of the Russian Language: thesis abstract. Orel; 2013. 24 p. (In Russ.).
31. Sen'ko EV. Prefixoids as an established system of modern Russian word formation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014; 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16059> (accessed: 03.06.2024). (In Russ.).
32. Skvortsov LI. Large Explanatory Dictionary of Correct Russian Speech. More than 8,000 Words and Expressions. Moscow: Oniks–Mir i obrazovanie; 2009. 1104 p. (In Russ.).
33. Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 volumes. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1951–1965. (In Russ.).
34. Dictionary of Old Church Slavonic: in 4 volumes. St. Petersburg: St. Petersburg University; 2006. (In Russ.).
35. List of phobias. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_fobii (accessed: 03.06.2024). (In Russ.).
36. Ushakov DN. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Moscow: Astrel-AST; 2000. (In Russ.).
37. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Moscow: Astrel-AST; 2003. (In Russ.).
38. Phobia. Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Fobiya> (accessed: 03.06.2024). (In Russ.).
39. Khorikov IP, Malev MG. Modern Greek-Russian dictionary: about 67,000 Words. Moscow: Kul'tura i traditsiya; 1993. 856 p. (In Russ.).
40. Chudinov AN. Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language. St. Petersburg: V. I. Gubinsky; 1894. 989 p. (In Russ.).
41. Shanskii NM. Essays on Russian Word Formation. Moscow: MGU; 1968. 308 p. (In Russ.).
42. Shanskii NM. Affixoids in the word-formation system of the modern Russian literary language in *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku*. Moscow: MGU; 1970. P. 257–271. (In Russ.).
43. Shishkov AS. Slavic-Russian Root Dictionary. Our Language Is the Tree of life on Earth and the Father of Other Dialects. URL: <https://studylib.ru/doc/118528/slavyanorusskij-korneslov-yazyk-nash---drevo-zhizni-na-zemle-...> (accessed: 03.06.2024). (In Russ.).
44. Lee J. A. The Colors of Love: An Exploration of the Ways of Loving. Don Mills (Ontario): New Press, 1973. 294 p.